Владимир Шорохов

4 Книга

Свидетель из будущего

Я мыслю, следовательно, существую

Владимир Шорохов

Свидетель из будущего

«Автор»
2026

Шорохов В. Л.

Свидетель из будущего / В. Л. Шорохов — «Автор», 2026

Повестку принесли в среду, под звон учебного колокола. Вероника Сомова, спелеокартограф из Кунгура, осуждена на двенадцать лет за преступление, которого ещё не совершила. Главный свидетель обвинения — её собственная цифровая копия, которая спокойно называет дату, час и место: шесть дней спустя, Дальний грот Ледяной горы. На вопрос «зачем?» двойник не успевает ответить — судья выключает экран. Кто так боится этого ответа?В этой книге каждая история заканчивается не там, где ждёшь.

© Шорохов В. Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Свидетель из будущего 6
Мягкий фильтр 15
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Владимир Шорохов
Свидетель из будущего

Свидетель из будущего

Повестку принесли в среду, ровно в тот момент, когда Глеб пытался научить шестилетнюю Соню звонить в маленький учебный колокол, подвешенный к перекладине в прихожей. Колокол гудел, Соня визжала от восторга, кот забился под обувницу. Вероника расписалась за плотный серый лист с гербом и долго не могла понять, что держит в руках.

— Сомова Вероника Андреевна, — прочитала она вслух. — Явиться в качестве обвиняемой. Центр предиктивной юстиции, Пермский краевой суд, выездное заседание в Кунгуре.

— Обвиняемой! — Глеб отпустил верёвку, колокол качнулся последний раз. — Ну наконец-то. Я всегда подозревал, что ты по ночам грабишь пещеры. Признавайся, сколько сталактитов вынесла?

— Ни одного, клянусь бородой твоего прадеда.

— Мой прадед был лысый, как купол, так что клятва недействительна.

Соня захихикала и повисла на отцовской руке. Глеб подхватил её, закружил, и девочка завопила, что она самолёт.

Вероника работала спелеокартографом. Она снимала планы карстовых пещер вокруг Кунгура, ползала по гипсовым лазам с лазерным дальномером и знала Ледяную гору лучше, чем собственную квартиру. Узкое лицо, острый подбородок, тёмные волосы, остриженные почти по-мальчишески, чтобы не цеплялись за каску. На костяшках пальцев вечно белела гипсовая пыль, которую не брало никакое мыло.

Глеб служил звонарём в Тихвинском храме над Сылвой. Огромный, рыжебородый, с плечами, на которых, по его словам, можно было носить колокольню целиком. Ладони у него были жёсткие от верёвок, а у глаз лучились морщинки — от вечной улыбки.

Улыбался он всегда. Особенно тогда, когда было плохо.

— Предиктивной юстиции, — повторила Вероника, разглядывая лист. — Это та программа, про которую по телевизору спорили? Где судят по цифровым моделям?

— Она самая. — Глеб поставил Соню на пол. — Слушай, может, это реклама? Сейчас приходишь в суд, а тебе предлагают кредит под залог будущих грехов.

— Тут номер дела. И печать.

— Печать сейчас на любом принтере… Ладно, ладно. Схожу с тобой. Буду твоим адвокатом. Ваша честь, моя жена не способна на преступление, она даже паука из ванной выносит в ладошке и извиняется перед ним.

Вероника рассмеялась. Смеяться было легко: октябрь стоял золотой, лиственницы на склонах горели, а повестка казалась ошибкой, нелепой опечаткой большого государственного механизма.

Свекровь, Ангелина Викторовна, узнала новость к вечеру. Она пришла с банкой малинового варенья и с тем мягким, всепрощающим лицом, которое Вероника за семь лет брака так и не научилась читать.

Маленькая, круглая, в голубой пуховой шали, с серебряным образком на цепочке. Голос тихий, почти шёпот. Ангелина Викторовна никогда не спорила. Она молилась за тех, кто спорит.

— Верочка, я всё знаю, — сказала она с порога, обнимая невестку. — Глебушка позвонил. Ты не бойся. Господь видит, кто чист.

— Спасибо, Ангелина Викторовна. Думаю, там путаница.

— Конечно, путаница, деточка. — Свекровь погладила её по плечу и тут же повернулась к внучке. — Сонечка, ты таблеточку сегодня пила?

— Пила, бабуля. Горькую.

— Горькую… Ничего, солнышко. Скоро бабушка тебя совсем вылечит, без всяких горьких.

Вероника нахмурилась. У Сони была эпилепсия, мягкая, под контролем, но без лекарства приступы возвращались в течение двух суток. Она уже открыла рот, чтобы возразить, но Глеб громко хлопнул в ладоши.

— Мам, ты варенье принесла или опять святую воду в банке с этикеткой? В прошлый раз я полчаса намазывал её на хлеб.

— Балбес ты, Глеб, — улыбнулась Ангелина Викторовна. — Весь в отца.

Выездное заседание проходило в бывшем купеческом особняке на Гостиной улице. Красный кирпич, белые наличники, крыльцо, усыпанное жёлтыми листьями. Внутри всё оказалось новым и стерильным: серые стены, длинный стол судьи и огромная матовая панель вместо свидетельской трибуны.

Судья Ольга Дмитриевна Береснева, сухая женщина лет пятидесяти с гладко зачёсанными седыми волосами, говорила ровно и не поднимала глаз от планшета. Адвокат по назначению, Арсений Лаврин, худой, в очках, всё время грыз колпачок ручки. Ему было едва за тридцать, и он явно впервые… — нет, он явно не понимал, что делать с делом, где подсудимая ещё ничего не сделала.

— Вы понимаете суть процедуры? — спросила судья.

— Нет, — честно ответила Вероника.

— Программа «Зеркало» создаёт цифровую модель личности на основе всех доступных данных. Переписки, голосовые сообщения, медицинские записи, дневники, видеозаписи, поведенческие паттерны. Модель допрашивается как свидетель. Если её показания указывают на будущее тяжкое деяние, суд выносит отложенный приговор.

— Отложенный до чего? — шёпотом спросил Глеб.

— До момента совершения деяния, — ответила судья, хотя вопрос был задан не ей. — Пригласите свидетеля.

Панель засветилась. На ней проступило лицо.

Её лицо. Тот же острый подбородок, та же короткая стрижка, даже та же царапина над бровью, оставшаяся после лаза в Бриллиантовом гроте. Только глаза у двойника были спокойные, как вода в подземном озере.

— Назовите себя, — велела судья.

— Цифровая модель Вероники Андреевны Сомовой, версия четыре-семь.

— Глеб, это я, — выдохнула Вероника. — Это же я.

— Только симпатичнее, — пробормотал муж. — Тебя там отфотошопили.

Она толкнула его локтем, но шутка не сработала. Глеб сидел бледный, борода казалась слишком рыжей на сером лице.

— Свидетель, — судья наконец подняла глаза, — известно ли вам о преступлении, которое совершит обвиняемая?

— Да.

— Опишите.

— Четырнадцатого октября, в шестнадцать часов сорок минут, я заведу Глеба Сомова в Дальний грот Ледяной горы, закрою за ним решётку старой штольни и оставлю его там. Ключ я выброшу в Сылву.

В зале стало так тихо, что Вероника услышала, как Лаврин сломал зубами колпачок.

— Это бред! — она вскочила. — Это полный бред! Я люблю мужа! Зачем мне его там запирать?

— Обвиняемая, сядьте.

— Спросите её зачем! Спросите!

— Свидетель, — ровно произнесла судья, — мотив?

Двойник помолчал. Его губы дрогнули, точно так же, как дрожали у Вероники, когда она собиралась сказать что-то важное.

— Потому что если ничего не изменится, он…

— Достаточно, — судья нажала кнопку, и панель погасла. — Мотив не является предметом рассмотрения в предиктивной процедуре. Суд удаляется.

Приговор зачитали через двадцать минут. Двенадцать лет колонии общего режима за умышленное оставление в опасности, повлёкшее смерть. Вступает в силу в момент совершения деяния. До указанной даты обвиняемая обязана носить контрольный браслет.

Браслет оказался тонким, чёрным, с маленьким экраном. На экране светились цифры обратного отсчёта: шесть суток, четыре часа, одиннадцать минут.

— Повлёкшее смерть, — повторила Вероника на крыльце. — Глеб, они сказали «смерть».

— Ну, хоть не от твоих котлет, — Глеб попытался улыбнуться. — Я всегда думал, что умру именно от них.

— Перестань.

— Не могу. Если перестану, начну орать прямо тут, на Гостиной, и меня тоже осудят. За нарушение тишины в историческом центре.

Он обнял её. Обнял крепко, но Вероника почувствовала, что его сердце колотится слишком быстро. Быстрее, чем у неё самой.

Лаврин догнал их у машины. Ветер с реки трепал его тонкое пальто, очки запотели.

— Вероника Андреевна, подождите. Я имею право запросить полную стенограмму допроса модели. И список источников данных.

— А что это даст?

— Не знаю. — Он честно пожал плечами. — Но двойник что-то хотел сказать. Его оборвали на полуслове. В обычном суде так не делают.

— Это не обычный суд, — сказал Глеб. — Это цирк с роботами. Пойдём, Вер.

— Подожди. — Вероника вырвала руку. — Арсений, запрашивайте. Всё, что можно.

— И ещё, — Лаврин понизил голос. — Предиктивная процедура не запускается сама. Нужно заявление. Кто-то подал сигнал, что вы опасны.

— Кто?

— Узнаю.

Глеб завёл мотор так резко, что машина дёрнулась. Всю дорогу домой он рассказывал анекдот про звонаря и глухого батюшку и сбивался трижды.

Ночью Вероника не спала. Она сидела на полу детской, прислонившись к кроватке Сони, и рассуждала шёпотом, как делала это в пещерах, когда сверяла промеры.

Двойник — это модель. Модель не выдумывает. Она складывает данные и выводит наиболее вероятный ход событий. Значит, где-то в данных есть причина, по которой она, Вероника, запрёт мужа в штольне.

Что могло бы заставить её это сделать? Измена? Нет, она бы просто ушла. Деньги? Смешно. Побои? Глеб никогда не поднимал руку даже на кота.

Соня заворочалась во сне и что-то пробормотала. Вероника посмотрела на дочь, на её разметавшиеся светлые волосы, на тонкую руку поверх одеяла.

Только ради неё. Только ради неё она сделала бы что угодно.

Утром позвонила сестра, Ксения. Она работала в краевом центре фониатрии, восстанавливала голоса певцам и дикторам, и голос у неё самой был звонкий, поставленный.

— Верка, ты в своём уме? Почему я узнаю из новостей, что мою сестру осудили за убийство, которого не было?

— Ксюш, я сама ничего не понимаю.

— Где ты? Я сейчас приеду.

— Не надо. Лучше скажи: ты когда-нибудь отдавала кому-нибудь мои записи? Голосовые, фотографии?

— С ума сошла? Нет, конечно. А вот твоя свекровь у меня в прошлом месяце просила ваши детские видео. Сказала, хочет фильм к юбилею свадьбы смонтировать. Я ей скинула целую гору.

Вероника медленно опустилась на табурет в прихожей. Колокол над головой чуть качнулся от сквозняка.

— Ксюш, а она объясняла, зачем ей именно мои дневниковые записи? Я же тебе их голосом присылала, когда в экспедициях была.

— Она просила всё. Сказала: чем больше, тем живее получится.

Лаврин приехал в обед. Он разложил на столе в гостиной распечатки и снова грыз ручку, уже новую.

— Сигнал подан шестого сентября. Заявитель — Сомова Ангелина Викторовна. Основание: «опасения за жизнь сына и внучки в связи с неуравновешенным поведением невестки».

— Неуравновешенным? — Вероника хрипло засмеялась. — Я восемь часов могу висеть на верёвке над колодцем и не дышать лишний раз.

— Дальше хуже. Источники данных для модели. Большую часть предоставила заявитель. Семейный архив, голосовые сообщения, ваши аудиодневники. Но есть ещё одна строка.

Он ткнул пальцем в лист.

«Переписка Г. И. Сомова. Мессенджер. Период: июль — октябрь. Предоставлено с согласия владельца».

— Глеб отдал свою переписку, — тихо сказала Вероника.

— С согласия, — подтвердил Лаврин. — Подпись его.

— Значит, модель читала его сообщения. И то, что она узнала из его сообщений, заставило её сказать, что я его запру.

Лаврин снял очки и долго протирал их краем свитера.

— Вероника Андреевна, я бы на вашем месте прочитал эти сообщения.

Глеб вернулся с вечерней службы весёлый, со снегом на шапке: первый снег выпал прямо посреди золотой осени. Он вошёл, отряхнулся, как медведь, и сразу полез обниматься.

— Знаешь, что сегодня было? Дьякон уснул прямо на клиросе. Я ударил в благовест, он подскочил и как заорёт: «Пожар!» Полприхода крестилось, полприхода ржало.

— Глеб, дай телефон.

— Зачем? Хочешь посмотреть котиков? У меня есть отличный кот, который…

— Дай. Телефон.

Он перестал улыбаться. Медленно стянул шапку, мял её в огромных ладонях.

— Вер, там ничего интересного. Рабочие чаты. Расписание служб.

— Ты отдал свою переписку в суд. Зачем?

— Мама попросила. Сказала, это для твоей же защиты. Чтобы модель видела, какие мы хорошие и как я тебя люблю.

— Тогда тем более покажи, какие мы хорошие.

Он не дал. Он ушёл в ванную, долго лил воду, потом вышел с мокрой бородой и сказал, что устал, что ляжет пораньше, что завтра в пять утра звонить к ранней литургии.

Вероника дождалась, пока он уснёт. Телефон лежал на тумбочке. Код она знала: дата рождения Сони.

Код не подошёл.

Она сидела в темноте, глядя на мужа. Он спал на спине, приоткрыв рот, огромный и беззащитный, и она не понимала, кто перед ней. Семь лет она знала каждую его шутку. Оказалось, не знала, что за ними прячется.

На следующий день Вероника поехала к свекрови. Ангелина Викторовна жила в старом деревянном доме у подножия Ледяной горы, в посёлке Филипповка. Из её окон виднелись белые гипсовые обрывы, поросшие соснами, и тёмная лента Сылвы.

Свекровь встретила её на крыльце, в той же голубой шали.

— Верочка, деточка! А я как раз за тебя свечку ставила.

— Ангелина Викторовна, это вы подали заявление в суд?

Свекровь не смутилась ни на секунду. Она положила тёплую мягкую ладонь Веронике на запястье, прямо поверх браслета.

— Я, милая. Я. Потому что люблю. Ты же не в себе последний год. Всё по пещерам, всё во тьме. А тьма, она в человека входит.

— Вы отдали суду мои дневники.

— Чтобы правду узнать. Правды бояться не надо, если ты чиста.

— А зачем вам переписка Глеба?

Пальцы свекрови на её запястье слегка сжались. Совсем чуть-чуть.

— Глебушка сам захотел. Он у меня послушный мальчик.

В доме что-то изменилось. Вероника заметила это сразу, как только вошла. В углу у печки стоял маленький детский рюкзак с вышитым медвежонком. Рядом лежали вязаные варежки, тёплый комбинезон, детское одеяло, свёрнутое валиком.

— Вы куда-то собираетесь?

— Да так, на богомолье. Тут недалеко.

— А это чьё?

— Сонечкино. Она же у меня гостит иногда, вот и держу вещички.

Вероника взяла рюкзак. Он был тяжёлый, плотно набитый. Она расстегнула молнию. Сверху лежала иконка, бутылка с водой, сухари и маленький листок, исписанный крупным старушечьим почерком.

«Отец Варфоломей. Дальний скит. Пост, молитва, никаких лекарств. Бесы выходят с судорогами, не мешать».

— Что это?

— Положи, Вера.

— Что это, Ангелина Викторовна?

Свекровь выпрямилась. Мягкость стекла с её лица, как воск со свечи. Под ней оказалось что-то твёрдое, сухое, непреклонное.

— Это спасение. Девочка больна не телом. Её болезнь — от твоей тьмы, от твоих подземелий. Врачи кормят её химией, а надо молиться. Отец Варфоломей отмолил уже шестерых.

— Отец Варфоломей — это тот самозванец, которого выгнали из епархии? Который живёт в старой штольне за Ледяной горой?

— Он святой человек.

— Без лекарств у Сони через два дня начнутся приступы! Один за другим! Она может не выйти из них!

— Это бесы выходят, — спокойно сказала Ангелина Викторовна. — Им больно, они кричат. Так и должно быть.

Вероника выскочила из дома и набрала мужа. Он не взял трубку. Она набрала ещё раз и ещё.

Ответил он с пятого раза. Где-то над ним гудели колокола, голос тонул в звоне.

— Верунчик! Я на колокольне, тут ветрище, как будто сам Илья-пророк прилетел покататься!

— Глеб, твоя мать собирается увезти Соню к Варфоломею. Без лекарств.

Звон оборвался. Повисла пауза, тяжёлая, как стопудовый колокол.

— Глеб?

— Вер, ты преувеличи… ты слишком накручиваешь. Мама просто хочет её на молебен свозить. Помолятся, вернутся.

— Ты знал.

— Я ничего не…

— Ты знал! Вот что в твоей переписке! Вот что прочитала модель!

Он бросил трубку. Вероника стояла на обочине у подножия горы, снег таял на щеках. Внизу шумела Сылва, тёмная, быстрая, ещё не схваченная льдом.

Она начала рассуждать вслух, как в пещере, когда теряла направление.

— Модель прочитала его переписку. Узнала, что они с матерью задумали увезти Соню. Узнала дату. Четырнадцатое. Модель знает меня: я пойду за дочерью куда угодно. Я знаю эту штольню, я сама её картировала. Там решётка, ключ от которой есть только у меня и у горноспасателей.

Она замерла.

— Значит, четырнадцатого я найду их там. И чтобы вытащить Соню, мне придётся закрыть решётку перед Глебом. Потому что он не даст мне её увести.

Следующая мысль ударила под рёбра.

— А приговор… Приговор вступает в силу ровно в эту минуту. Как только я закрою решётку, я преступница. Меня забирают. Соню отдают отцу. Или бабушке.

Она посмотрела на браслет. Четыре дня, девятнадцать часов, две минуты.

— Это не показания против меня. Это ловушка. Они знали, что я спасу её. И сделали так, чтобы спасение стало преступлением.

Лаврин слушал её по телефону и молчал так долго, что она решила: связь пропала.

— Арсений, вы здесь?

— Здесь. Я думаю. Если вы правы, то заявитель использовала модель как оружие. Это злоупотребление процедурой. Но доказать надо до четырнадцатого.

— Как?

— Получить полную стенограмму. Ту часть, где модель говорит о мотиве. Если там есть угроза ребёнку, приговор можно обжаловать как основанный на неполных данных.

— Сколько времени нужно?

— Обычно две недели.

— У меня четыре дня!

— Я знаю. — В его голосе впервые… в его голосе вдруг прорезалось что-то живое, злое. — Я поеду в Пермь. Сам. Буду сидеть в приёмной, пока мне не выдадут.

Дома Вероника первым делом проверила аптечку. Коробка с Сониными таблетками была на месте. Она открыла блистер. Белые таблетки. Она раздавила одну ногтем и лизнула порошок.

Сладкий. Мел с глюкозой.

— Глеб! — закричала она в пустую квартиру, хотя муж был на службе. — Глеб, что ты наделал!

Соня выглянула из детской с куклой в руках.

— Мамочка, ты чего кричишь?

— Солнышко, ты когда последний раз пила таблетку? Настоящую, горькую?

— Не помню. Папа давал сладкие. Сказал, бабуля новые купила, вкусные. Чтобы не плакать.

Вероника опустилась на колени и прижала дочь к себе так, что та пискнула.

Она увезла Соню к Ксении той же ночью… нет, той же ночью было слишком поздно для поездов, поэтому она повезла её на машине, в Пермь, через заснеженный перевал у Ергача. Ксения жила в старой кирпичной пятиэтажке у Камы и открыла дверь в халате, с растрёпанными рыжими волосами.

— Ксюш, спрячь её. Никому не открывай. Ни Глебу, ни его матери. Вот рецепт, утром купи настоящее лекарство.

— Верка, что происходит?

— Его мать подменила таблетки. Хочет везти Соню к шарлатану в штольню. Глеб с ней заодно.

— Господи. — Ксения схватилась за дверной косяк. — Звони в полицию!

— Я звонила. Мне сказали: вы осуждённая с браслетом, ваше заявление рассматривается в общем порядке. Через десять дней.

Тринадцатого октября Глеб пришёл к Ксении сам. Он стоял на лестничной площадке, огромный, мятый, с осунувшимся лицом, и держал в руках букет жёлтых хризантем.

Вероника вышла к нему, прикрыв за собой дверь.

— Цветы? Серьёзно?

— Это не тебе. Это Ксении Андреевне. За то, что приютила. — Он попытался улыбнуться. — Видишь, я вежливый. Звонари вообще самые вежливые люди. Мы даже колоколам говорим «пожалуйста».

— Глеб, хватит.

Улыбка сползла. Он прислонился лбом к холодной стене.

— Вер, я не хотел. Мама сказала, что если Соню отмолят, она будет здорова. Совсем. Без таблеток, без больниц. Я смотрел, как она бьётся в судорогах, и не мог. Я готов был поверить во что угодно.

— Ты подменил ей лекарство.

— Мама подменила. Я просто… не стал мешать.

— Ты знал, что модель скажет в суде?

Он молчал.

— Глеб. Ты знал?

— Мама сказала, что программа покажет, какая ты опасная. И суд отдаст Соню нам. Нам с мамой. Я не думал, что там будет про меня. Про грот.

— А ты понимаешь, что она тебя подставила? Что модель видит: если вы потащите Соню в штольню, я пойду туда? Твоя мать знала это. Ей не нужен ни ты, ни я. Ей нужна Соня. И чтобы я сидела.

— Мама меня любит.

— Твоя мать любит только свою святость!

Ксения распахнула дверь.

— Глеб, — сказала она холодно, — заберите ваши цветы. Если вы ещё раз подойдёте к моей племяннице, я лично отвезу вас в полицию. За бороду.

Утро четырнадцатого началось со звонка Лаврина. Он говорил быстро, захлёбываясь.

— Вероника Андреевна! Я получил полную стенограмму! Слушайте, я прочитаю дословно: «Потому что если ничего не изменится, он и его мать оставят мою дочь без лекарства в штольне у Варфоломея. Я приду за ней. Глеб встанет у решётки и не выпустит. У меня будет выбор: закрыть решётку или потерять дочь. Я закрою».

— Это доказательство?

— Это основание для пересмотра! Модель прямо указала, что преступление станет вынужденной защитой ребёнка! Судья вырезала это из протокола! Я подаю ходатайство в краевой суд прямо сейчас.

— Когда его рассмотрят?

Пауза.

— Сегодня к вечеру. Если повезёт.

— Сегодня к вечеру, — повторила Вероника и посмотрела на браслет. Шесть часов, двадцать две минуты.

В полдень позвонила Ксения. Голос у неё срывался.

— Вера! Вера, её нет!

— Кого нет?

— Сони! Я вышла за лекарством, на десять минут! Оставила её с соседкой, с бабой Лидой! Пришла какая-то женщина в голубой шали, сказала, что она бабушка, что ты велела забрать! Баба Лида отдала!

Вероника не помнила, как оказалась в машине. Не помнила перевала, заснеженных ёлок, гипсовых обрывов. Помнила только цифры на браслете, которые таяли быстрее, чем снег на лобовом стекле.

Четыре часа, десять минут.

Три часа, пятьдесят.

Старая штольня за Ледяной горой зияла в склоне, как чёрный выбитый зуб. Вход перегораживала ржавая решётка, распахнутая настежь. Над входом росли кривые сосны, корни свисали прямо над проёмом.

У решётки стоял Глеб. В руке у него был фонарь, на лице — что-то похожее на улыбку.

— Привет, Вер. Ты как раз вовремя. Тут экскурсия. Билеты платные, но для жены скидка.

— Где она?

— Внутри. С мамой и с отцом Варфоломеем. Они молятся. Не ходи туда, ладно? Подожди тут. Через три дня всё закончится.

— Через три дня она умрёт!

Из глубины штольни донёсся тонкий детский вскрик. Потом ещё один. Потом глухое мерное бормотание молитвы.

— Пусти, — сказала Вероника.

— Не могу. Мама сказала, ты внесёшь тьму.

— Глеб, это приступ! Это не бесы! У неё судороги, ты слышишь?

Он слышал. Вероника видела, как дрожит луч его фонаря. Как дёргается щека под рыжей бородой.

— Пусти меня, или клянусь, я…

— Что? Запрёшь меня? — Глеб вдруг рассмеялся страшно, нелепо. — Давай! Модель же сказала! Ты же всё равно это сделаешь!

Она поднырнула под его руку и бросилась во тьму.

Штольню Вероника знала наизусть. Сорок метров прямо, поворот направо, низкий лаз, потом Дальний грот с ледяными натёками. Она бежала, ударяясь плечами о стены, и считала шаги, как на съёмке.

В гроте горели свечи. Варфоломей, тощий старик с седыми космами, стоял на коленях и раскачивался. Ангелина Викторовна держала на руках Соню. Девочка выгибалась дугой, глаза закатились, на губах выступила пена.

— Отдайте! — Вероника вырвала дочь из рук свекрови.

— Не смей! Бес выходит! Не смей прерывать!

— Это эпилепсия, вы, безумная святоша!

Она выхватила из кармана шприц с противосудорожным, который носила с собой все эти дни, и вколола дочери в бедро прямо через колготки.

Соня обмякла. Задышала. Вероника прижала её к груди и побежала назад.

За спиной кричала Ангелина Викторовна. Кричал Варфоломей. Впереди, у самого выхода, в сером дневном свете стоял Глеб, раскинув руки во весь проход.

— Отдай её маме, Вер. Пожалуйста. Отдай.

— Отойди.

— Не могу. Если ты её унесёшь, мама меня не простит.

— А если не унесу, я тебя не прощу. Никогда.

За его спиной темнел склон, белел снег, синела Сылва. Решётка висела на петлях, ключ от замка лежал у Вероники в кармане куртки, тяжёлый, холодный, как у всех горноспасателей района.

Глеб шагнул к ней. Его огромные руки потянулись к Соне.

Вероника не думала. Тело само сделало то, чего хотела модель.

Она рванулась вбок, в узкий боковой отнорок, о котором не знал никто, кроме неё. Протиснулась с дочерью на руках. Выскочила к выходу с другой стороны, за спину мужа. И захлопнула решётку.

Замок лязгнул. Глеб обернулся, вцепился в прутья.

— Вера!

Из глубины штольни выскочила Ангелина Викторовна, повисла на его плече.

— Открой! Открой, ведьма! Ты его там похоронишь!

Вероника смотрела на свой браслет. Шестнадцать тридцать девять. Цифры мигали красным.

Ключ был в её руке. Сылва шумела внизу. Двойник сказал: «Ключ я выброшу в реку».

— Открой! — орал Глеб, тряся решётку так, что сверху сыпались камешки и снег. — Вера, там обвал! Свод трещит, ты слышишь? Вера!

С потолка штольни сорвался кусок гипса, ударил о камни. Варфоломей завизжал где-то в глубине.

— Мамочка! — закричала очнувшаяся Соня. — Мамочка, там папа! Папа!

Браслет пискнул. На экране вспыхнула надпись: «Шестнадцать сорок. Деяние зафиксировано. Приговор вступает в силу».

Телефон в кармане завибрировал. Лаврин.

— Вероника Андреевна! Краевой суд отменил приговор! Слышите? Отменил! Десять минут назад!

— Тогда почему браслет… — Она смотрела на экран, а экран горел красным. — Арсений, почему он не выключается?!

Из штольни донёсся грохот. Тяжёлый, глубокий, как удар самого большого колокола.

— Глеб! — закричала Вероника, падая на колени у решётки. — Глеб, ответь! Глеб!

Тишина.

А потом из темноты, из-под осевшей пыли, раздался голос свекрови, тонкий, нечеловеческий:

— Ты убила его! Ты его убила!

Вероника рвала замок дрожащими пальцами, ключ скользил, не попадал в скважину, а по склону к штольне уже бежали люди в форме, и браслет на её руке визжал, визжал, визжал…

Автор: Владимир Шорохов 2026

Мягкий фильтр

Октябрь в Петрозаводске выдался ветреный и рыжий. Онежское озеро у набережной ходило тяжёлыми серыми складками, чайки висели над водой, как воздушные змеи на невидимых нитках. Клёны вдоль променада сбрасывали листья прямо под ноги, и те хрустели, будто кто-то грыз сухари.

Глеб шёл первым и нёс на плечах пакет с хлебом для уток. Он был широкий, рыжебородый, с белым шрамом через левую бровь. Восемь лет водолазом-спасателем в МЧС приучили его не бояться ни ледяной воды, ни тяжёлых разговоров. Только к тяжёлым разговорам он всегда подходил с шуткой, как с аквалангом.

— Внимание, экипаж! — гаркнул он, разворачиваясь. — Капитан докладывает: утки на горизонте. Хлеб к бою!

— Капитан, у тебя булка в бороде, — фыркнула Вера.

— Это не булка, это запас на случай кораблекрушения.

Вера засмеялась и подтянула шарф. Тёмная коса, острый подбородок, вечно прищуренные карие глаза человека, который всё записывает. Она работала лексикографом в академическом институте и собирала по карельским деревням старые говоры. В кармане куртки у неё всегда лежали диктофон и огрызок карандаша со следами зубов.

Соня шла между ними. Десять лет, светлые волосы до плеч, курточка цвета мяты. На носу — тонкие серебристые очки с едва заметным голубым отливом на стёклах.

— Сонь, кидай первой, — Глеб протянул ей горбушку. — Ты у нас главный снайпер.

— Спасибо, папа.

Соня улыбнулась. Ровно, мило, как улыбаются девочки с открыток. Взяла хлеб, аккуратно отломила кусочек и бросила. Утка промахнулась, кусок унесло волной.

— Ой, — сказала Соня и снова улыбнулась.

Вера смотрела на дочь и не могла понять, что её царапает. Год назад Соня визжала бы, что утка дура, и требовала второй попытки. Год назад Соня спорила, падала в листья, приходила домой с разбитой коленкой и рассказами на полчаса.

— Глеб, — тихо сказала Вера, когда Соня отошла к парапету. — Тебе не кажется, что она какая-то… отутюженная?

— Отутюженная? Это ты из словаря взяла?

— Я серьёзно.

— А я серьёзно не понимаю. Ребёнок не орёт, не дерётся, пятёрки таскает. Мне что, жалобу в небесную канцелярию писать? «Прошу вернуть прежнюю дочь, с истериками и соплями»?

— Она не плачет с весны. Вообще. Даже когда кот её поцарапал.

Глеб почесал бороду и посмотрел на дочь. Соня стояла у парапета, ветер трепал её волосы, а она улыбалась в пустоту.

— Ну, взрослеет, — неуверенно сказал он. — Я в десять лет тоже решил, что мужчины не плачут. Продержался до одиннадцати, пока мне велосипедом по ноге не проехали.

Очки подарила бабушка. Людмила Андреевна, мать Глеба, тридцать лет проработала начальником отдела технического контроля на заводе «Петрозаводскмаш». Высокая, прямая, с аккуратной седой укладкой волосок к волоску и светлыми, почти прозрачными глазами. Она носила жемчужно-серые костюмы и говорила так, будто подписывала акт приёмки.

В апреле она приехала на Сонин день рождения с маленькой белой коробкой.

— Это для учёбы, — сказала она тогда. — Подсказки по математике, английский, карты звёздного неба. Я всё настроила сама. Не благодарите.

— Людмила Андреевна, это же дорого, — растерялась Вера.

— Для внучки не дорого. И, Вера, я вас прошу: не снимайте их с неё. Там привыкание к интерфейсу, нужна непрерывность.

Глеб тогда пошутил, что мать наконец-то внедрила ОТК в семью. Людмила Андреевна не улыбнулась.

Дома Соня сразу ушла в свою комнату. Очки она снимала только перед сном и клала на зарядную подставку, тоже бабушкину, белую и гладкую, как речная галька. Утром надевала раньше, чем умывалась.

Вера сидела на диване в гостиной и перебирала карточки со словами из Шелтозера. Буквы прыгали перед глазами. Она отложила карточки и прислушалась.

Из детской не доносилось ни звука. Ни музыки, ни болтовни с подружками, ни шороха.

— Глеб, — позвала она. — Когда Соня последний раз жаловалась на кого-нибудь? На учительницу, на мальчишек, на тебя?

Глеб выглянул из коридора с гантелей в руке.

— На меня? Никогда. Я идеальный отец.

— Глеб.

— Ладно, ладно, — он опустил гантель. — Не помню. Месяца четыре назад? Пять?

— А бабушка у нас по четвергам сидит с ней после школы. С весны. Совпадение?

Глеб помолчал и вдруг стал серьёзным, что у него случалось редко.

— Вера, ты к чему клонишь?

В четверг Людмила Андреевна позвонила ровно в восемь утра, как всегда.

— Вера, доброе утро. Соня надела очки?

— Надела, Людмила Андреевна.

— Хорошо. Вчера вечером был сбой в двадцать один сорок. Что произошло?

Вера застыла с расчёской в руке.

— Какой сбой?

— Технический. Программа фиксирует нарушения в работе. Мне приходит уведомление. Так что произошло в двадцать один сорок?

Вера вспомнила. В двадцать один сорок Глеб сказал Соне, что кот Пряник уехал жить к ветеринару, потому что у него больные почки, и вернётся нескоро. Соня кивнула, улыбнулась и ушла к себе. А потом Вера слышала, как она дышит за дверью, часто и сбивчиво.

— Ничего не произошло, — медленно сказала Вера. — Людмила Андреевна, а почему уведомления приходят вам, а не нам?

— Потому что я администратор. Я же покупала. Всего доброго, Вера.

Гудки.

Вечером Соня уснула рано. Очки лежали на белой подставке и тихо светились голубой точкой.

Вера постояла над ними минуту. Потом взяла и надела.

Сначала было красиво. Детская залилась мягким тёплым светом, по потолку поплыли созвездия, в углу всплыла табличка: «Привет, Сонечка! До контрольной по математике 2 дня». Вера сняла бы очки и успокоилась, если бы не значок в правом нижнем углу: маленький зелёный лист и надпись «Семейный покой. Режим: активен».

Она дотронулась до дужки, как делала Соня, и открылось меню.

«Модуль Мягкое лицо: сглаживание мимики взрослых (злость, раздражение, презрение). Активен».

«Модуль Тихий голос: подавление громкости и резкого тона, замена на нейтральную речь. Активен».

«Модуль Стабильность ребёнка: распознавание слёз и всхлипов. Каждое событие регистрируется как сбой и передаётся администратору. Активен».

«Администратор: Людмила А. Доступ к архиву: только администратор».

Вера перестала дышать.

— Глеб, иди сюда. Сейчас же.

Он пришёл в одних спортивных штанах, сонный, с мятой щекой.

— Пожар? Потоп? Высадка инопланетян?

— Сядь. Накричи на меня.

— Чего?

— Накричи. Громко. Со злостью. Про что угодно.

Глеб поморгал, оценил её лицо и понял, что шутки сейчас не пройдут. Он набрал воздуха.

— Вера! Ты опять оставила свои карточки в ванной! Я чуть не утонул в карельских диалектах! Сколько можно!

Получилось у него громко, с настоящей злостью: Глеб действительно уже трижды выуживал размокшие карточки из раковины.

А в очках Вера увидела, как его лицо разгладилось, будто на него положили тёплую восковую маску. Брови сами собой поднялись в добродушный домик, губы сложились в улыбку. Голос пришёл в наушник ровный, бархатный, чужой:

«Вера, давай будем аккуратнее с вещами, хорошо?»

Вера сорвала очки.

— Что? — испугался Глеб. — Что там?

— Надень, — она протянула очки. — И посмотри на меня.

Глеб надел. Вера встала перед ним, вдохнула и закричала так, что у неё самой зазвенело в ушах:

— Ты врал ей про кота! Пряник умер в ветеринарке! Ты сказал ей, что он уехал, а она всю ночь задыхалась за дверью, и ни одна живая душа не пришла!

Глеб отшатнулся. Не от крика, а от того, что увидел.

— Ты… улыбаешься, — хрипло сказал он. — Вера, ты стоишь и улыбаешься. И говоришь: «Милый, давай обсудим это спокойно».

Он стащил очки и долго держал их в ладони, как держат мёртвую рыбу.

— Слушай, — наконец выдавил он, — это как в том анекдоте, где муж говорит жене… Нет. Не будет анекдота.

Они сидели на полу в гостиной до часу ночи. Вера листала меню, Глеб читал вслух мелкий шрифт с сайта разработчика.

— «Семейный покой — премиальный пакет для бабушек и дедушек, — читал он. — Подарите внуку мир без конфликтов. Ваш ребёнок вырастет спокойным, вежливым и улыбчивым. Подробные отчёты о каждом эмоциональном сбое». Вера, они это продают как пылесос.

— Подожди, — Вера нашла ещё один пункт. — Тут журнал. Обрывки, без доступа к архиву, но время видно. Смотри.

На маленьком экране побежали строки.

«Четверг, 16:12. Сбой. Слёзы. Причина: не определена. Отчёт отправлен».

«Четверг, 16:40. Сбой. Всхлипы. Отчёт отправлен».

«Четверг, 17:05. Сбой. Ребёнок пытался снять устройство. Блокировка дужки на 30 минут. Отчёт отправлен».

— Блокировка дужки, — повторил Глеб. — Это как?

— Она не могла их снять, — Вера говорила тихо, но каждое слово было отчётливым. — Глеб, по четвергам с ней сидит твоя мать. И каждый четверг, с апреля, сбой за сбоем. Слёзы, всхлипы, попытка снять очки. А мы приходили домой, и нас встречала улыбающаяся дочь.

Утром Вера не пошла в институт. Глеб взял отгул, соврав начальнику смены что-то про зуб.

Соня сидела на кровати в пижаме с совами и смотрела на них через голубоватые стёкла.

— Сонечка, — Вера опустилась перед ней на колени. — Можно мы снимем очки? Ненадолго.

— Бабушка сказала, нельзя, — улыбнулась Соня. — Там непрерывность.

— А если я очень попрошу?

— Бабушка расстроится.

Глеб сел рядом и почесал бороду.

— Слушай, принцесса. Давай так: ты снимаешь очки, а я съедаю одну ложку той каши, которую ты ненавидишь. Манной. С комочками. При свидетелях.

Соня хихикнула. Настоящий, короткий смешок, без открыточной гладкости. И медленно сняла очки.

Без очков её глаза оказались совсем другими. Красные веки, тонкая сеточка сосудов на белках. Она тёрла переносицу, где стёкла натёрли розовые вмятины.

— Сонь, — Вера взяла её за руки. — Что бывает по четвергам?

Соня молчала. Губы у неё дрогнули, но тут же сложились в улыбку. По привычке. Как мышца, которая сама сокращается.

— Ничего. Бабушка помогает с уроками.

— А бабушка когда-нибудь кричит?

Соня наморщила лоб, честно пытаясь вспомнить.

— Нет. Бабушка всегда улыбается. Она говорит: «Сонечка, давай будем аккуратнее». Только…

— Только что?

— Только иногда у меня потом болит рука. Вот тут.

Она закатала рукав пижамы. Над запястьем, на тонкой детской коже, желтели старые пятна. Четыре овальных. И одно поменьше, сбоку. Отпечаток пальцев.

Глеб встал. Вышел в коридор. Вера слышала, как он там стоит и дышит, тяжело, как после погружения на глубину.

— А почему ты нам не говорила? — Вера старалась говорить ровно.

— Я говорила, — удивилась Соня. — Я сказала один раз папе, что у меня болит рука. А папа улыбнулся и сказал: «Давай будем аккуратнее, Сонечка». И я больше не говорила.

Вера вспомнила. Май. Глеб тогда разозлился, рявкнул что-то вроде «Опять ты на турнике висела?», а Соня увидела улыбку и услышала бархатное «давай будем аккуратнее».

Её дочь жаловалась. А программа превращала живого отца в вежливую куклу, которой всё равно.

— Сонь, а когда ты плачешь в очках, что бывает?

— Тогда бабушка приходит. Или звонит. И говорит, что я опять сломалась и меня надо чинить.

Глеб вернулся в комнату. Лицо у него было серое под рыжей бородой.

— Я ей позвоню, — сказал он.

— Не надо, — Вера поднялась с колен. — Она сама сейчас позвонит. Соня сняла очки. Это тоже сбой.

Телефон зазвонил через сорок секунд. На экране высветилось: «Мама».

Глеб нажал громкую связь.

— Глеб, — голос Людмилы Андреевны был безупречно ровным, как всегда. — Устройство отключено от ребёнка. Немедленно наденьте.

— Мам, у Сони синяки на руке.

— Дети ударяются.

— Это пальцы, мам. Взрослые пальцы.

Пауза. Короткая, на два вдоха.

— Глеб, Соня была неуправляемой. Ты сам помнишь, какие были истерики. Я дала вам спокойного ребёнка. Вы обязаны мне спасибо сказать.

Вера взяла телефон из рук мужа.

— Людмила Андреевна, вы видели, как она плачет, сорок раз с апреля. Сорок отчётов. И ни разу не позвонили нам.

— А зачем? Сбои я устраняла сама. Вера, вы мать, вы должны понимать. Ребёнок, который плачет, — это бракованный ребёнок. Я тридцать лет отбраковывала детали. Я знаю, как довести изделие до нормы.

— Изделие, — повторила Вера.

— Не придирайтесь к словам. Вы же лексикограф. Наденьте на неё очки, или в четверг я приеду и надену сама.

Глеб вдруг засмеялся. Нервно, отрывисто.

— Мам, ты понимаешь, что звучишь как злодейка из сериала по «России»? Тебе только кота белого на колени не хватает.

— Глеб, я не шучу.

— Я тоже, — сказал он и перестал смеяться. — Я тоже не шучу.

Вера смотрела на очки на белой подставке. Тонкие, изящные, дорогие. Подарок «для учёбы». Любовь, упакованная в коробку с бантом.

Она думала о том, что равнодушная бабушка просто не приезжала бы на дни рождения. Равнодушная бабушка забыла бы имя внучки и прислала бы открытку из санатория. Это было бы обидно, но Соня хотя бы видела бы мир как он есть.

А эта бабушка любила. Звонила ровно в восемь. Покупала дорогое. Знала каждую слезу по минутам. И каждую слезу записывала в брак.

Такая любовь хуже равнодушия. Равнодушие оставляет ребёнка одного. Такая любовь оставляет его одного и ещё затыкает ему рот.

— Глеб, — сказала Вера. — Подержи Соню.

— Что ты задумала?

— Выкинуть.

— Это сорок тысяч, — машинально сказал Глеб и тут же сам себя одёрнул: — Нет. Неважно. Выкидывай.

Вера взяла очки вместе с подставкой и вышла на лестничную клетку. Мусоропровод на их пятом этаже был старый, с ржавой ручкой и тугим ковшом. Она дёрнула ручку на себя.

Очки лёгкие, почти невесомые. Ковш скрипнул, голубая точка на подставке мигнула последний раз. Вера с силой захлопнула ковш, и где-то внизу, в шахте, глухо застучало, удаляясь.

Она стояла и слушала, пока стук не затих на первом этаже.

Вернувшись в квартиру, Вера взяла телефон. Открыла контакт «Людмила Андреевна». Нажала «Заблокировать». Система переспросила. Она подтвердила.

— Теперь ты, — она протянула телефон мужу.

Глеб долго смотрел на слово «Мама» на экране. Потом поднял глаза на Соню. Та стояла в дверях детской в пижаме с совами, тёрла красные веки и впервые за полгода не улыбалась… Нет, не так. Просто не улыбалась. Растерянно, по-настоящему, как обычный десятилетний ребёнок.

— Знаешь, — сказал Глеб хрипло, — в водолазном деле есть правило. Если напарник тянет тебя на дно, режешь страховку. Даже если это родная мать.

Он нажал «Заблокировать».

Соня подошла к Вере и уткнулась ей в живот. Плечи у неё затряслись.

— Мам, а можно я сейчас поплачу? Это не будет сбой?

— Можно, — Вера обняла её так крепко, что сама еле дышала. — Плачь сколько хочешь. Тут больше никто не считает.

И Соня заплакала. Громко, взахлёб, с икотой и соплями, за весь апрель, май, лето и осень. За кота Пряника. За руку над запястьем. За каждый четверг.

Глеб сел рядом на пол и неловко гладил её по спине.

— Принцесса, ты ревёшь как сирена катера, — пробормотал он, и голос у него тоже поплыл. — Я тебе это как специалист говорю.

Звонок в дверь раздался в половине седьмого вечера. Длинный, настойчивый, без пауз.

Вера посмотрела в глазок. На площадке стояла Людмила Андреевна. Седая укладка, жемчужно-серое пальто, в руке белая коробка. Точно такая же, как в апреле.

— Я привезла запасные, — сказала она через дверь ровным голосом. — У меня их три пары. Откройте.

— Уходите, Людмила Андреевна, — ответила Вера.

— Глеб! Открой матери!

Глеб стоял в коридоре, широкий, бледный, и не двигался.

И тут из-за двери ударил голос. Не ровный. Не бархатный. Визгливый, рваный, с металлом, от которого задрожала цепочка на двери:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.